

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 428–433

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 428–433

<https://bonjour.sgu.ru>

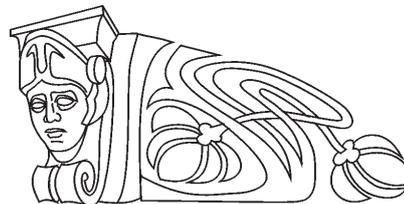
<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-428-433>, EDN: IFURFL

Научная статья

УДК 821.161.1.09-1+929Гумилев

Французские стихи Николая Гумилева

Е. М. Белавина

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Белавина Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания, kat-belavina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-7815>

Аннотация. Париж, на протяжении нескольких столетий считавшийся литературной столицей мира, литературной «родиной по выбору», давал приют (навсегда или временно) многим великим писателям. Получить доступ к французскому читателю мечтали поэты всего мира, это негласно считалось особой ступенью к мировому признанию. На рубеже XIX–XX вв. пути многих русских поэтов пересекались в Париже. Н. Гумилев именно там знакомится с А. Толстым, М. Волошиным, А. Белым и др. Большинство стихотворений написано на родном языке и переведено с иностранного на родной. Редкий случай культурного трансфера и межъязыкового контакта представляют собой поэтические тексты, написанные автором на иностранном языке, с опорой на оригинал на родном языке (автоперевод с родного) или впоследствии записанные на родном (автоперевод с иностранного). Автопереводы Николая Гумилева (1886–1921) не имели резонанса, и его имя не очень хорошо знакомо французскому читателю. Немногочисленные переводы, выполненные французами, выходили в антологиях, а первая книга избранных стихотворений вышла во Франции в XXI в. Рифмованные стихи Гумилева в момент, когда во Франции выработывался верлибр (*vers libre standard*), не получили отклика. Лингвистические шероховатости в форме, стремящейся к классической, производили впечатление языковых ошибок. Новаторство Гумилева проявлялось в преодолении национальных и временных границ. Впоследствии увлечение историей французской литературы сказалось в программной ориентированности манифестов на традицию, что шло вразрез с парижскими поэтами-современниками, отступавшими от законов «прекрасной ясности». Стремление передать музыку русской силлабо-тоники также не способствовало публикациям на французском языке. Рецепция Гумилева во Франции была отодвинута во времени.

Ключевые слова: язык французской поэзии, автоперевод, Гумилев, литературная рецепция

Для цитирования: Белавина Е. М. Французские стихи Николая Гумилева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22, вып. 4. С. 428–433. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-428-433>, EDN: IFURFL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

French poems of Nikolay Gumilyov

E. M. Belavina

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

Ekaterina M. Belavina, kat-belavina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4038-7815>

Abstract. Paris, regarded for centuries as the literary capital of the world, the literary ‘homeland of choice’, gave shelter (permanently or temporarily) to many great writers. Poets all over the world have dreamed of gaining access to the French reader; it has tacitly been considered a special stepping stone to global recognition. At the turn of the nineteenth and twentieth centuries, the paths of many Russian poets crossed in Paris. It was there that Gumilyov met A. Tolstoy, M. Voloshin, A. Bely and others. Most of his poems were written in his native language and translated from the foreign language into the native language. A rare case of cultural transfer and cross-linguistic contact are poetic texts written by the author in a foreign language, based on the original in his native language (auto-translation from the native language), or subsequently written in his native language (auto-translation from a foreign language). The auto-translations by Nikolai Gumilyov (1886–1921) did not have a resonance and his name is not very familiar to the French reader. The few translations done by the French have appeared in anthologies, and the first book of selected poems was published in France in the twenty-first century. Gumilyov’s rhyming poems were not well-received at a time when *vers libre standard* was being developed in France. The linguistic roughness of the form, striving for the classical form, gave the impression of linguistic errors. Gumilyov’s innovation manifested itself in overcoming national and temporal boundaries. A later fondness for the history of French literature manifested itself in programmatic focus of manifestos on tradition, which ran counter to Parisian contemporaries who deviated from laws of “beautiful clarity”. The desire to convey the music of the Russian syllabo-tonic also did not favour publications in French. Gumilev’s reception in France was delayed in time.

Keywords: language of French poetry, auto-translation, Gumilyov, literary reception

For citation: Belavina E. M. French poems of Nikolay Gumilyov. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 428–433 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2022-22-4-428-433>. EDN: IFURFL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Чаще всего поэзия создается на родном языке, но что происходит, когда поэт находится в ситуации многоязычия? Непроизвольные и намеренные заимствования, кальки, переключения кода (switch-code) становятся частью поэтики. Смешанные греко-латинские стихи, смешение латыни с европейскими языками, смешение национальных языков сопровождали культурный трансфер и в разные исторические эпохи имели свои особые функции. Полный переход на иностранный язык для создания стихотворного произведения представляет собой более редкую форму проявления многоязычия. Обычно стихи, написанные на иностранном языке, не входят в поле исследований литературоведов: «Когда пишут стихи на чужом языке, часто более старательно воспроизводят принятые в классической поэзии способы выражения и формальные особенности стиха. В таких стихах инерция общепринятого способа выражения почти никогда не преодолевается, и поэтому они едва ли могут рассматриваться как живая часть поэзии своего времени» [1, с. 777].

История знает случаи, когда писатели, владеющие французским наряду (или наравне) с другим языком, родившиеся вне метрополии, становились частью французской литературы (Г. Аполлинер, Т. Тцара, Н. Саррот, Ш. Дагтекин и др.). Стихотворения, написанные на французском великими русскими поэтами, такими как Пушкин, Лермонтов, Фет, Цветаева, представляют интерес для исследователей культурного трансфера или межязыковых контактов.

К началу XX в. французский язык уже утратил статус международного языка аристократии и ученого мира, которым он был в XVII–XVIII вв., перестал быть родным языком высшего сословия в России, но все же сохранил ореол языка культуры. Французская поэзия привлекает внимание, в Париже пересекаются пути многих русских поэтов того времени.

Двадцатилетний начинающий поэт Николай Гумилев по окончании гимназии живет в Париже, слушает лекции в Сорбонне, посещает музеи, пытается издавать на свои средства русскоязычный литературный журнал «Сириус» (декабрь 1906 – март 1907, вышло 3 номера). Поддержки читателей да и самих публикуемых авторов это издание не получило: «В одном из писем к NN (13 марта 1907 г., из Киева) А. А. Ахматова (тогда еще Горенко, не Гумилёва) писала: “Зачем Гумилёв взялся за «Сириус»? Это меня удивляет и приводит в необычайно веселое настроение. Сколько несчастиев наш Никола перенес и все понапрасну! Вы заметили, что сотрудники почти все так же известны и почтенны, как я? Я думаю,

что нашло на Гумилёва затмение от Господа. Бывает”» [2]. Речь идет о публикации стихотворений Анны Горенко и Николая Гумилева под собственным именем и под псевдонимами.

Степень владения французским языком можно представить по эпизоду, описанному в письме к Валерию Брюсову от 26 декабря 1906 г., в котором Гумилев повествует о своем неудачном визите к Мережковскому и Гиппиус: «Очевидно, желание общества было подвести меня под какую-нибудь рамку. Сначала меня сочли мистическим анархистом – оказалось неправильным. Учеником Вячеслава Иванова – тоже. Последователем Сологуба – тоже. Наконец, сравнили с каким-то французским поэтом Бетнуаром, или что-то в этом роде. Разговор продолжался, и я надеялся, что меня подведут под какую-нибудь пятую рамку. Но на мою беду в эту минуту вошел хозяин дома Мережковский, и Зинаида Ник.<олаевна>. сказала ему: “Ты знаешь, Николай Степанович напоминает Бетнуара”. Это было моей гибелью. Мережковский положил руки в карманы, стал у стены и начал отрывисто и в нос: “Вы, голубчик, не туда попали! Вам не здесь место! Знакомство с Вами ничего не даст ни Вам, ни нам. Говорить о пустяках совестно, а в серьезных вопросах мы все равно не сойдемся. Единственное, что мы могли бы сделать, это спасти Вас, так как Вы стоите над пропастью. Но ведь это...” тут он остановился. Я добавил тоном вопроса: “дело неинтересное?” И он откровенно ответил “да”, и повернулся ко мне спиной. Чтобы сгладить эту неловкость, я посидел еще минуты три, потом стал прощаться. Никто меня не удерживал, никто не приглашал. В переднюю, очевидно из жалости, меня проводил Андрей Белый» [3]. Дело в том, что поэта Бетнуара не существовало, а выражение «bête poïge» означает «пугало, жупел, предмет особой ненависти».

В том же письме Гумилев благодарит Брюсова за сообщенные адреса, но признается, что не верит в то, что эти рекомендации могут быть полезными для него, он боится идти к Рене Гиллю. Опасения не оправдались. Написав Рене Гиллю, Гумилев получил очень теплый ответ и был приглашен в гости, но встреча с теоретиком французского стиха не повлекла взаимных переводов: Гумилев не стремился открывать для русского читателя современников. Все его эстетические пристрастия обращены в глубь истории. Впоследствии он переводит французские народные песни, стихотворения Вийона, Готье, Леконта де Лилля, Эредиа, Бодлера, Верлена, Рембо [4].

По воспоминаниям писателя и ученого-географа П. Н. Лукницкого, Гумилев в 1907 г.

находится на грани отчаянья в связи с очередным отказом Анны Горенко стать его женой: «От отчаяния не спасали ни новые знакомства, ни увлечения. Боль унижения не отступала, не отпускала. Гумилев метался, не находил себе места. Отправился в Нормандию, в Трувиль, к морю – топиться. Но, на счастье, на пустынном берегу его задержали пронизательные блюстители порядка. Очевидно, вид его внушал опасения. Ахматова выразилась: “en état de vagabondage” (как бродяга). Словом, в конце концов он вернулся в Париж» [5].

В этот период он пишет стихи, вошедшие в «Романтические цветы» (1-е изд., Париж, начало 1908 г.) и отчасти в «Жемчуга» (1-е изд. Скорпион, 1910 г.). В Париже он знакомится с А. Толстым, М. Волошиным, Е. Кругликовой, А. Белым, Н. Деникером, французским поэтом русского происхождения, племянником И. Анненского.

Возможно, именно лингвистическая неуверенность заставляет Гумилева искать поддержки сначала в русскоязычной парижской среде. Показательно, что, будучи знаком с Рене Гилем и через него – с Жаном Шюзвилем¹, известным поэтом-переводчиком, Гумилев сам берется переводить свои стихи.

Известно три автоперевода на французский язык: «La pierre» («Камень», 1908), «La fille chinoise» («Китайская девушка», 1914), «La miniature persanne» («Персидская миниатюра», впервые опубликовано в «Посмертном сборнике», 1922),

Взгляни, как злобно смотрит камень,
В нем щели странно глубоки,
Под мхом мерцает скрытый пламень;
Не думай, то не светляки!

[4, с. 254]

сохранившиеся в архиве Г. П. Струве, были опубликованы «с исправлениями многочисленных <...> ошибок в орфографии и пунктуации, по текстам в записных книжках Гумилева» [4, с. 679].

Прежде чем рассмотреть лингвистические особенности переводов, следует заметить, что все три текста объединены идеей некой метаморфозы, в каждом Гумилев отдает дань какой-то иноземной цивилизации. В первом упоминаются древнекельтские жрецы и древнегреческие пророчицы («Давно угрюмые друиды, / Сибиллы хмурых королей / Отмстить какие-то обиды / Его призвали из морей» [6, с. 254]). Стихотворение о вечной борьбе добра и зла поднимает тему мести и возмездия и посвящено матери поэта А. И. Гумилевой (во французском варианте посвящение не сохранено). В двух других стихотворениях видно увлечение Гумилева китайской и персидской культурами, но парижский читатель, вероятно, не был расположен принимать восточную экзотику через посредничество русского поэта.

В автопереводе стихотворения «La pierre» Гумилев использует перекрестную рифмовку, восьмисложник (во второй строке приведенной ниже строфы 7 слогов, но если ошибочно прочитать «crevasse» в три слога перед гласным, то можно получить 8 слогов) в строках с мужскими рифмами, передающий мелодику русского стиха. Гумилев идет к точности передачи формы, которой будет требовать в своих 9 принципах перевода [7]:

Vois la pierre à travers la brousse, (8)
Louche, crevasse en tous sens; (7)
Secrète, elle luit sous la mousse, (8)
Mais non du feu des vers luisants (8)

[4, с. 580]

Обращает на себя внимание форма повелительного наклонения глагола «voir» («видеть»), тогда как более естественной было бы употребление глагола «смотреть» («regarder»). Для рифмы со словом «mousse» («мох») появляется многозначное существительное «brousse» («brousse», – ж. р., чаща, синоним «broussaille», которое более частотно). Это слово может обозначать дикую, заброшенную местность и уединенную деревню [8].

В рифменной паре, которая должна бы связывать вторую и четвертую строки, в слове «sens» финальный [s] произносится вопреки общему правилу, согласно которому этот звук не произносится в слове «светлячки» («vers luisants»), что препятствует рифмовке.

Кроме ошибочного представления о произношении слов, смещения сочетаемости, орфографических опечаток, употребления наклонений (например, в «La fille chinoise» после союза «quoique» вместо сослагательного наклонения употреблен индикатив: «Mon fiancé est divin // Quoi qu'il est (в норме: soit) chauve et nein»), встречаются нарушения литературной нормы в порядке слов. Так, обстоятельство места с предлогом «de» вынесено в начало строфы и не отделено запятой:

¹ Жан Шюзвиль (или Шюзвиль, Jean Chuzew(v)ille; 1886–1962) – французский поэт, критик и переводчик. Собрал и опубликовал антологию современной русской поэзии (Chuzeville J. Anthologie des poètes russes. Paris: G. Crès & Cie, 1914).

И из этой беседки Я смотрю на зарю, Как качаются ветки, Иногда я смотрю; [6, с. 201]	Et de ce pavillon (обстоятельство) Je (подлежащие) vois les grands bois Et l'aube sur les monts (прямое дополнение) Quelquefois (обстоятельство времени) je (подлежащие) vois (сказуемое) [4, с. 579]
--	---

Поэтические инверсии, придающие особую красоту русскому стиху (например, «У меня же в темнице / Куст фарфоровых роз, / Металлической птицы / Блещет (сказуемое) золотом хвост (подлежащие)» [6, с. 201]), затрудняют чтение французского текста: «Les roses de porcelain / J'ai dans mon cachot / Et la queue dont traîne / L'artificiel oiseau» [4, с. 579].

Прямое дополнение «Les roses de porcelaine» («фарфоровые розы») в первой строке строфы для французского читателя выглядит подлежащим, только натываясь на местоимение-подлежащее «je» («я») во второй строке, взгляд возвращается назад искать дополнение, так как в следующей строке продолжения синтагмы нет (сочинительный союз «et» («и»)). В норме при переносе дополнения в начало фразы оно отделяется запятой и «подхватывается» соответствующим местоимением.

Следующие строки объединены невозможным для французского синтаксиса построением (выбор союзного слова «dont» вместо нормативного в этой позиции «que» можно сравнить с ошибками на уровне неправильного употребления падежей).

Гумилев обращается с французской речью так, как будто пытается придать французскому синтаксису гибкость, сходную с русской, чего не позволяют аналитический строй языка и отсутствие падежной системы, которая обеспечивает большую синтаксическую подвижность элементам русской фразы.

Soyez sûrs, quand je mourrai, Fatigué de ma vie insane, Secrètement je deviendrai Une miniature persane [4, с. 580]	Когда я кончу наконец Игру в cache-cache со смертью хмурой, То сделает меня Творец Персидскою миниатюрой [6, с. 42]
---	---

В русском варианте есть французское вкрапление («cache-cache» – прятки), свидетельство внутреннего switch-code, переключения на другой язык, характерное для билингов, выбирающих максимально подходящее слово из обоих языков. В данном контексте оно придает ироничность по отношению к смерти, (во французском варианте передано глаголом «mourir» – умирать). Во французском тексте появляется характеристика жизни («insane» – нездоровая) и отношение говорящего к ней («fatigué» – усталый). В русском

Можно заметить также преобладание определенных артиклей, свойственное почти всем носителям русского языка при изучении французского.

Русского читателя поражала музыкальность переводов Гумилева, то, как легко французские слова передают интонации автора и силлабо-тоническую метрику, но и этот аспект был раздражающим фактором для французского читателя: во французской силлабике на момент распространения романтического триметра (trimètre или alexandrin ternaire) эта регулярность ощущалась как чрезмерная монотонность и предсказуемость [9, р. 90].

Особый случай представляет стихотворение «Персидская миниатюра», в котором комментаторы предполагают обратную последовательность создания французской и русской версий: «В “Посмертном сборнике” напечатано с примечанием составителей: “Французский подлинник стихотворения “Персидская миниатюра”, напечатанного в книге: “Колчан”. Вариант на русском языке является переводом”. В архиве Струве также находятся два черновых варианта этого стихотворения, записанные: “на стороне <...> французского меморандума об Абиссинии» [4, с. 679].

В этом стихотворении Гумилева на французском языке снова следует подчеркнуть музыкальность, ласкающую слух русского читателя, однако количество строф (6) во французском варианте на две меньше, чем в русском. Лексика и образность русского варианта более богаты по сравнению с французским текстом.

Рассмотрим первую строфу:

варианте метаморфоза в произведение искусства зависит от «Творца», образ, отсутствующий во французском тексте, где использован глагол «devenir» – становится.

Обычно enjambement (перенос) является запоминающимся приемом, поскольку акцентирует внимание на слове, находящемся в сильной рифменной позиции, и одновременно на слове, следующем после паузы/перехода на новую строку, и при этом зачастую это ритмическое построение несет дополнительную семантическую

нагрузку. Так, например, в знаменитых строках «Осенней песни» Верлена акцентоносителем становится служебная часть речи – артикль, на который априори не должно падать ударение, но именно такое ритмическое построение создает колебание между мужским и женским началом: «Pareil (похожий, мужской род) à la /f euille morte» («на мертвый листок» на фр. – женский род) [10, p. 72].

Гумилев рифмует «mon» («мой», притяжательное прилагательное, которое не может быть акцентоносителем во французском языке) и прилагательное «bon», которое не может

нести ударение, находиться в препозиции, т. е. перед существительным (Pour rehausser l'effet, à **mon** / **Coin** sera placé un diable, / – Certes que je serai un **bon** / **Morceau** d'un maître incomparable [4, с. 580]). Концентрация двух таких переносов не добавляет ничего на уровне семантики, но воспринимается как неестественное построение носителями французского языка.

Хотя количество строф во французском тексте меньше, целостность образов сохранена. Последние три строфы звучат наиболее естественно, инверсия включена в фигуру хиазма и в сочетании с повтором:

Un vieillard toujours parfumé,
Avec de beaux cheveux grisâtres,
Apprendra vite de m'aimer
D'un amour fol et opiniâtre.

Je serai la joie de ses jours,
De ses nuits je serai la flamme,
Je remplacerai tour à tour
Les amis, les vins et les femmes.

Alors, je pourrai assouvir
Ce désir qui me harcèle,
Mon insatiable désir
D'une admiration éternelle

[4, с. 580]

Благоухающий старик,
Негоциант или придворный,
Взглянув, меня полюбит вмиг
Любовью острой и упорной.

Его однообразных дней
Звездой я буду путеводной,
Вино, любовниц и друзей
Я заменю поочередно.

И вот когда я утолю,
Без упоенья, без страданья,
Старинную мечту мою
Будить повсюду обожанье

[6, с. 42]

Французский славист, профессор Женевского университета, знаток русской поэзии Жорж Нива отмечает лаконичность этих переводов, но и ощущает их несовременность: «Переводы довольно удачные, хотя есть отдельные смешные промахи. Но вот что интересно: Гумилев по-французски имеет также же стремление к краткости, к ювелирной отточенности, как Цветаева, совершенно по-другому, по-французски, он себя умеет выразить. Оба ближе к французскому, чем, например, Пушкин, т.е. не переводят, а себя выражают. Это их голос, хотя голос неумелый. Но все-таки Гумилев получается, как Теофиль Готье, забавно, красиво, но не актуально» [11, с. 13].

Шероховатости французского языка, возможно, не были основным препятствием для вхождения русского поэта в парижские литературные круги. Именно эстетические вкусы и особенности поэтики Гумилева не подходили сложившейся в Париже литературной ситуации. Музыкальность русской силлабо-тоники на французском языке, открытость и симпатия к иноземным культурам становятся препятствием для рецепции творчества Гумилева современниками, что усугубляется отсутствием у него интереса к творчеству актуальных поэтов того

времени, которым он предпочитал виртуозную форму парнасцев, ощущаемую французами того времени как шаг назад, ретроградность.

На Гумилева оказали влияние идеи Валерия Брюсова, которые в России стали одной из важных составляющих динамики развития поэтического языка: «Расширение пределов национального до масштабов “всемирного”, “империализация” нации вместо “национализации” империи превращали “чужие” традиции в естественный материал для эстетических адаптаций. Существенная часть наследия русского литературного модернизма связана с описанной прагматикой. Ее рефлексы очевидны и в “конквистадорской” маске Гумилева, и в его поэзии экзотического, и в мандельштамовском видении традиции как пространства человеческой памяти, не знающего внутренних (национальных, как и временных) границ, и в его легендарном определении акмеизма как “тоски по мировой культуре”» [12, с. 188].

Рецепцию французских стихов Гумилева затрудняло и отсутствие у поэта интереса к творчеству актуальных поэтов того времени. Его идеалами были не современники, а в первую очередь парнасцы и поэты еще более отдаленных

эпох. Свои стихи он пишет на русском языке и сам же выступает в роли переводчика. Автоперевод на иностранный язык может восприниматься как акт недоверия к французским поэтам-переводчикам. В автопереводах Гумилев пытается передать звук оригинала, т. е. силлабо-тонику, которая для французского слуха монотонна, и рифмовку, от которой ощущалась усталость во французской поэзии начала XX в.

Программная ориентация манифестов акмеизма на европейское Средневековье и XVIII в. была вызвана стремлением к «прекрасной ясности» французской поэтической традиции, от которой отступали современники Гумилева. Попытка поэтического письма на французском языке – одно из проявлений этого стремления. В преодолении любых национальных и временных границ проявлялось новаторство Гумилева.

В XXI в. во Франции впервые были опубликованы отдельные книги избранных стихотворений Гумилева [13, 14], что свидетельствует о росте интереса к этому поэту.

Список литературы

1. Поэзия : учебник / под общ. ред. Н. М. Азаровой, К. М. Корчагина, Д. В. Кузьмина. М. : ОГИ, 2016. 886 с.
2. Голлербах Э. Из воспоминаний о Н. С. Гумилеве. URL: <https://gumilev.ru/biography/13/> (дата обращения: 15.01.2022).
3. Гумилёв Н. Письмо Валерию Брюсову от 8 января 1907 г. URL: <https://gumilev.ru/letters/51/> (дата обращения: 15.01.2022).
4. Гумилев Н. Переводы. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома ; Вита Нова, 2019. 688 с.
5. Лукницкий П. Н. Acumiana : Встречи с Анной Ахматовой : в 2 т. Т. 1. 1924–1925 гг. Paris : YMCA-press ; М. : Русский Путь, 1991. 347 с.
6. Гумилев Н. Стихотворения и поэмы. Екатеринбург : Средне-Уральское кн. изд-во, 1997. 464 с.
7. Гумилев Н. Переводы стихотворные // Принципы художественного перевода. Статьи К. Чуковского и Н. Гумилева. Пб., 1919. С. 25–30.
8. Dictionnaire de français Larousse // Définitions : brousse – Dictionnaire de français Larousse. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/brousse/11430> (дата обращения: 20.01.2021).
9. Backès J.-L. Le vers et les formes poétiques dans la poésie française. Paris : Hachette, 1997. 160 p.
10. Verlaine P. Œuvres poétiques complètes. Paris : Gallimard ; Bibliothèque de la Pléiade, 2002. 1559 p.
11. Багно В. Е. «Оазис, где рокошет лира» (Николай Гумилев – переводчик) // Гумилев Н. Переводы. СПб. : Изд-во Пушкинского Дома ; Вита Нова, 2019. С. 5–15.
12. Шевеленко И. Модернизм как архаизм: национализм и поиски модернистской эстетики в России. М. : Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.
13. Goumilev N. Poèmes / trad. du russe et présentés par S. Fauchereau, éd. Paris : Le Murmure, 2003. 98 p.
14. Goumilev N. Poésies choisies / trad. par F. Voutev. Strasbourg : Vibrations éditions, 2021. 186 p.

Поступила в редакцию 29.01.2022; одобрена после рецензирования 09.02.2022; принята к публикации 01.09.2022
The article was submitted 29.01.2022; approved after reviewing 09.02.2022; accepted for publication 01.09.2022